
ЛИНГВИСТИКА

Э.В. Будаев¹

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет (Екатеринбург)*

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ²

В статье рассматриваются особенности дискурсивного подхода к анализу метафоры в политической коммуникации. В американской и европейской лингвистике выделяются несколько частных теорий и методологий данного подхода: критический дискурс-анализ, дескриптивный дискурс-анализ, дискурсивная теория демократизации, дискурсивный анализ социальных структур, комбинаторная теория кризисной коммуникации, теория дискурсивного понимания. В отечественной лингвистике дискурсивный подход к политической метафоре реализуется в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Ключевые слова: метафора, дискурс-анализ, политический дискурс, политическая лингвистика

E.V. Budaev

*Russian State Professional Pedagogical University
(Ekaterinburg)*

A DISCOURSE APPROACH TO POLITICAL METAPHOR ANALYSIS

¹ Эдуард Владимирович Будаев, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).

² Настоящее исследование поддержано РГНФ (№ 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»)

The article highlights some features of the discourse approach to political metaphor analysis in contemporary linguistics. It is argued that in American and European linguistics discourse approach embraces a number of particular theories and methodologies such as critical discourse analysis, descriptive discourse analysis, discursive theory of democratization, discursive analysis of social structures, crisis communication combination theory (CCC-theory), the discursive notion of metaphor. In Russian linguistics a discourse approach to political metaphor analysis is mainly represented by the cognitive-discursive paradigm.

Key words: metaphor, discourse analysis, political discourse, political linguistics.

Дискурсивный подход к анализу лингвистических явлений достаточно распространен в современных научных изысканиях. Вместе с тем специальные обзоры показывают, что в лингвистике нет однозначного определения термина «дискурс» [Карасик, 2004; Кубрякова, 2004; Макаров, 2003; Петрова, 2003; Серио, 2002; Чернявская, 2001; Чудинов, 2003; Шейгал, 2004; Burman, Parker, 1993; de Beaugrande, 1997; Schiffrin, 1994; Tomlin et al., 1997; van Dijk, 1997]. Как отмечает Дж. Юл, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule, 2000, с. 83].

В современных обзорах и исследованиях сущности дискурса сложилось два подхода к определению онтологического статуса рассматриваемого феномена. В первом случае исследователи воспринимают дискурс как такой объективно существующий феномен действительности, при описании которого возможен один наиболее адекватный подход к его описанию. При таком понимании исследователи анализируют существующие определения и, указывая на их «логическую некорректность», предлагают свое, «наиболее правильное» понимание. При альтернативном подходе различные определения дискурса рассматриваются как равновозможные, что не лишает ученого возможности соотносить понимание дискурса со спецификой своего исследования. При таком подходе определение

дискурса соотносится с целями, материалом, научными традициями и другими конститутивными факторами исследовательской деятельности. Сущность эволюции понятия «дискурс» и причины его вариативности выразила Е.С. Кубрякова, указывая, что «интуитивное обращение к новому понятию было вызвано не просто модой и не только содержанием слова дискурс, которое в литературном языке могло означать и речь, и беседу, и разговоры, и лекции, и последовательное изложение мысли, и рассуждения с переходом от одной темы к другой. Оно было связано с необходимой потребностью в создании такого концепта, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связанную с самими коммуникативными условиями этого порождения» [Кубрякова, 2004, с. 524]. Различные подходы к дискурсу объединяются по принципу фамильного сходства: ученые акцентируют внимание на различных аспектах условий порождения дискурса в зависимости от исследовательских традиций, целей и материала исследования.

Вместе с тем нет необходимости использовать термин «дискурс» для обозначения понятий, за которыми в лингвистике давно закрепились устойчивые названия [Чудинов, 2003, с. 18]. Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые рассматривают дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 1989, с. 8]. Также Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Как указывает А.П. Чудинов, «преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов, 2001, с. 196].

Для определения границ политического дискурса важны идеи ряда исследователей, придерживающихся широкого понимания

политического измерения дискурса. Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серио, 2002, с. 21]. По мнению Р. Водак и Ч. Людвига, дискурс «неразрывно связан с властью и идеологией. Не существует социального взаимодействия, в котором не доминировали бы отношения к власти или не играли релевантной роли нормы и ценности» [Wodak, Ludwig, 1999, с. 12].

Некоторые уточнения такого «сильного» варианта, размывающего границы между различными видами дискурсов, преодолеваются в работе Е.И. Шейгал [2004], в которой определяются критерии для определения границ именно политического дискурса. Указывая на диффузные границы между различными видами дискурсов, Е.И. Шейгал предлагает использовать полевой подход. Политический дискурс включает как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [Шейгал, 2004, с. 18–32]. При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т.е., исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [Yule, 2000, с. 84].

В настоящем исследовании принят «слабый» вариант определения границ политического дискурса. Например, не подвергались специальному рассмотрению материалы, посвященные вопросам спорта, искусства, экологии и т.п. Однако анализ материала показывает, что некоторые сферы общественной жизни эксплицитно связываются адресантом коммуникации с политической жизнью общества, а многие метафорические выражения, посвященные

неполитическим сферам общественной жизни, позволяют адресату без особых затруднений получать инференции политического свойства.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: дескриптивный и критический. Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе, а исследователь политического дискурса открыто занимает позицию лишенных власти и угнетенных. Тот факт, что различные подходы к политическому дискурсу объединяются по принципу фамильного сходства можно продемонстрировать, рассмотрев общее и особенное в критическом дискурс-анализе. На настоящий момент в зарубежной лингвистике сложилось три основных школы критического подхода к анализу политического дискурса:

– немецкая школа критического анализа дискурса (З. Егер, У. Маас, Линк), особое место в которой занимает социолингвистический дискурс-анализ Р. Водак и ее коллег (венская школа дискурс-анализа) (Г. Вайс, Х. Людвиг, П. Новак, Й. Пеликан, М. Седлак).

– социо-когнитивный анализ дискурса Т. ван Дейка.

– школа дискурс-анализа Н. Фэрклаф.

При дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования. По мнению П. Чилтона, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton, 2005].

Не совсем верно ставить в один ряд с дескриптивным и критическим подходами когнитивный подход ввиду гетерогенности критериев, положенных в основу классификации. Разделение дескриптивного и критического подходов основано на критерии присутствия или отсутствия идеологической, гуманистической оценки объекта субъектом исследования, а выделение когнитивного подхода – на критерии метода (и шире – методологии) исследования. Другими словами, критический дискурс-анализ не может быть дескриптивным,

в то время как и тот и другой могут дополняться или не дополняться когнитивными методами (например, когнитивный критический дискурс-анализ по Т. ван Дейку или К. О'Халлорану, некогнитивный критический по Н. Фэйрклау, дескриптивный когнитивный у многих российских исследователей и т.д.).

Прежде чем приступить к рассмотрению современных подходов к дискурсивному анализу политической метафоры, необходимо отметить, что в зарубежной лингвистике феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно разрабатывался с середины XX века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (Р. Аден, Р. Айви, Ф. Брайан, А. Гастингс, В. Гриббин, Л. Гриффин, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт, В. Стелцнер и др.) (подробный анализ вопроса в монографии [Будаев, Чудинов, 2008]).

Важно подчеркнуть стремление многих исследователей рассмотреть роль метафоры в развитии социальных процессов. С этой точки зрения особого внимания заслуживают современные работы американского ученого Р.Д. Андерсона, посвященные роли метафоры в процессах демократизации общества. В публикации "The Discursive Origins of Russian Democratic Politics" [Anderson, 2001a] автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р.Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе.

Для подтверждения своей теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор [Anderson, 2001a, 2001b, 2004]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966–1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991–1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность нескольких групп метафор, Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность метафор размера и метафор личного превосходства и субординации уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог, спектр*, цветные метафоры, метафоры сторон и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

Поскольку Р.Д. Андерсон отводит метафоре роль фактора, оказывающего большое влияние на общественные процессы, его теория вполне согласуется с взглядами на прагматический потенциал концептуальной метафоры в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, хотя исследователь эксплицитно не апеллирует к процедурам обработки знаний.

В современной политической лингвистике дискурс-анализ политической метафоры представлен и многими другими направлениями. Так, П. Друлак [Drulak, 2004] предпринял попытку синтезировать эвристики концептуального исследования с методами дискурсивного анализа социальных структур по А. Вендт. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры (в том числе и метафорические) являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000–2003 гг.). Выделив концептуальные

метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Иначе говоря, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Во многих публикациях методика концептуального анализа метафор в политическом нарративе дополняется методами критического дискурс-анализа и сочетается с гуманистическим осмыслением анализируемых событий. Так, в январе 1998 года резко увеличилось количество курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление этих событий в австрийских газетах, Е. Эль Рефайе [El Refaie, 2001] выявляет, что доминантные метафоры изображают людей, ищущих убежища, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [El Refaie, 2001, с. 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [Kelly-Holmes, O’Regan, 2004], определяя методологической основой своего исследования критический дискурс-анализ, рассмотрели немецкие концептуальные метафоры родства, болезни, школы, криминального мира, войны и дома как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг.

Важное место в политической лингвистике занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (CCC-theory) К. де Ландтсхеер и ее единомышленников. Исследователи указывают на возможность и необходимость объединения субституционального, интеракционистского и синтаксического подходов к анализу политической метафоры, которые не исключают друг друга, а только отражают различные перспективы рассмотрения одного феномена и имеют свои сильные и слабые стороны [Beer, Landtsheer 2004]. Некогда К. де Ландтсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между

частотностью метафор и общественными кризисами [Landtsheer, 1991]. В очередном исследовании К. де Ландтсхеер и Д. Фертессен [Vertessen, Landtsheer, 2008], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Теория дискурсивного понимания метафоры (the discursive notion of metaphor) разрабатывается рядом немецких лингвистов (Й. Вальтер, Й. Хелмиг, Р. Хюльссе). По мнению исследователей, метафора не столько когнитивный феномен, сколько феномен социальный. В первую очередь метафора рассматривается не как средство аргументации, а как отражение общих для определенной группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности» [Hülse, 2003]. Например, Р. Хюльссе, проанализировав метафоры ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР в дебатах о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе, пришел к выводу, что немцы «помещают» Турцию в «между-пространство» (in-between-space), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством [Hülse, 2000]. Согласно названной теории, сам дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль) [Walter, Helmig, 2008].

С дискуссионным вопросом о конвенциональности прагматических смыслов определенной сферы-источника и их корреляций с политическим дискурсом связан ряд монографий А. Мусолффа [Musolff, 2000, 2004b]. По мнению исследователя, одни и те же сферы-источники реализуются в политическом дискурсе разных стран для привнесения как пейоративных, так и мелиоративных смыслов. Конкретная сфера-источник – это точка отсчета для развертывания разнообразных метафорических сценариев, для отражения оценок и интенций участников коммуникации. А. Мусолфф

не отрицает частичную детерминацию осмысления событий структурой сферы-источника, но показывает, что значительное влияние на функционирование политической метафоры оказывают не только языковые или когнитивные факторы, но и экстралингвистическая среда.

Характерная черта современных российских исследований – теоретическая и практическая разработка когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафоры, объединяющего описание роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации (А.Н. Баранов, Т.С. Вершинина, Ю.Н. Караулов, А.А. Каслова, Р.Д. Керимов, Е.В. Колотнина, Н.А. Красильникова, А.Б. Ряпосова, Н.А. Санцевич, Т.Г. Скребцова, А.В. Степаненко, А.М. Стрельников, Ю.Б. Феденева, Н.М. Чудакова, А.П. Чудинов, О.А. Шаова и др.). В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. При когнитивно-дискурсивном подходе «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова, 2004, с. 520]. Метафора одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует ее адекватному описанию.

Не всегда возможно заранее инвентаризировать или указать на экстралингвистические факторы, апелляция к которым понадобится для экспликации порождения и функционирования политических метафор, чем и объясняется столь широкая на первый взгляд трактовка дискурса, принимаемая в настоящей работе. В этом отношении показательно сопоставительное исследование А. Мусолффа [Musolf, 2004a], посвященное анализу метафор со сферой-источником «политическое тело» в английском и немецком политическом дискурсе 1989–2001 гг. А. Мусолфф выявил, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это человеческое тело» приходятся на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *herz Europas* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что

географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, проследивая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Таким образом, указание на социально-политические и историко-культурологические факторы действительности не исчерпывает потенциального многообразия экстралингвистической каузации порождения и функционирования метафоры в политическом дискурсе. Как отмечает А.П. Чудинов, при исследовании концептуальной метафоры в политическом дискурсе необходимо учитывать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов, 2003, с. 18].

Как показывает анализ, российская школа дискурсивного анализа вобрала в себя некоторые эвристики дискурс-анализа по Т. ван Дейку (потеряв критичность), близка идеям социополитического дискурс-анализа Р. Водак, конститутивно интегрирует дискурс-анализ с когнитивной методологией. Вместе с тем многие европейские лингвисты все чаще в разработке принципов дискурс-анализа занимают близкие когнитивно-дискурсивной парадигме методологические установки [Chilton, 2005], в том числе применительно к дискурс-анализу политических метафор [Musolff, 2004a, 2004b; Steen 2002; Walter, Helmig, 2005; Hülse, 2003; Zinken, 2002].

Вместе с тем дискурсивный подход к анализу метафоры не означает, что необходимо предвирать исследование метафоры

социальными, политологическими, историческими, культурологическими и прочими очерками, опираясь на необходимость «учета экстралингвистических факторов». Обращение к экстралингвистической действительности целесообразно для экспликации фактов собственно лингвистических, не представляются плодотворными детализированные историко-политические экскурсы, предваряющие описание политических метафор. Поэтому вполне закономерно, что неоправданная интердисциплинарность вызывает справедливую критику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аругюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Аругюнова // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Аругюновой. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 5-33.

Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Москва: Наука, 2008. – 282 с.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.

Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 5-11.

Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Петрова, Н.В. Текст и дискурс / Н.В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123-131.

Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Москва: Прогресс, 2002. – С. 337-383.

Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-22.

Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – 248 с.

Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

Anderson, R.D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics / R.D. Anderson // *Slavic Review*. – 2001b. – Vol. 60. – No. 2. – P. 312-335.

Anderson, R.D. The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond / R.D. Anderson // *Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization* / Ed. by F.A. Beer, Ch. De Landtsheer. – East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2004. – P. 91-110.

Anderson, R.D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics / R.D. Anderson // *Post-Communism and the Theory of Democracy* / Ed. by R.D. Anderson, M.S. Fish, S.E. Hanson, P.G. Roeder. – Princeton: Princeton University Press, 2001a. – P. 96-125.

Beer, F.A. Metaphors, Politics and World Politics / F.A. Beer, Ch. De Landtsheer // *Metaphorical World Politics* / Ed. by F.A. Beer, Ch. De Landtsheer. – East Lansing: Michigan State University Press, 2004. – P. 5-52.

Burman, E. Introduction – discourse analysis: the turn to the text / E. Burman, I. Parker // *Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action*. – London: Routledge, 1993. – P. 1-13.

Chilton, P.A. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity* / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 19-51.

De Beaugrande R. The Story of Discourse Analysis / R. De Beaugrande // *Discourse as Structure and Process* / Ed. by T.A. van Dijk. – London: SAGE, 1997. Vol. 1. – P. 35-62.

De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24(3/4). – P. 299-342.

Drulák, P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. – URL: www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf.

El Refaie, E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers / E. El Refaie // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – Vol. 5. – № 3. – P. 352-371.

Hülse, R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey’s possible EU-accession / R. Hülse. – 2000. – URL: www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf.

Hülse, R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität / R. Hülse. – Baden-Baden: Nomos, 2003. – 192 p.

Kelly-Holmes H. “The spoilt children of Europe”. German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland / H. Kelly-Holmes, V. O’Regan // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – № 1. – P. 81-116.

Musolff, A. Metaphor and conceptual evolution / A. Musolff // *metaphorik.de*. – 2004a. – № 7. – P. 55-75.

Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b. – 224 p.

Musolff, A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the Public Debate about Europe in Britain and Germany / A. Musolff. – München: Iudicum, 2000. – 214 p.

Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1994. – 470 p.

Steen, G.J. Identifying Metaphor in Language: A Cognitive Approach / G.J. Steen // *Style*. – 2002. – Vol. 36(3). – P. 386–407.

Tomlin, R.S. Discourse Semantics / R.S. Tomlin, L. Forrest, M.M. Pu, M.H. Kim // *Discourse as Structure and Process* / Ed. by T.A. van Dijk. London: SAGE, 1997. Vol. 1. – P. 63-111.

Van Dijk T.A. The study of discourse / T.A. van Dijk // *Discourse as Structure and Process* / Ed. by T.A. van Dijk. – London: SAGE, 1997. Vol. 1. – P. 1-34.

Vertessen, D. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time / D. Vertessen, Ch. De Landtsheer // Political Language and Metaphor: Interpret-ing and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London: Routledge, 2008. – P. 271-285.

Walter, J. Discursive Metaphor Analysis: (De)Construction(s) of Europe / J. Walter, J. Helmig // Political Language and Metaphor: Interpret-ing and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London: Routledge, 2008. – P. 119-131.

Wodak, R. Introduction / R. Wodak, Ch. Ludwig // Challenges in a Changing World: Issues in Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak, Ch. Ludwig. – Vienna: Passagenverlag, 1999. – P. 11-20.

Yule, G. Pragmatics / G. Yule. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 138 p.

Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik / J. Zinken. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. – 262 S.